

ДЕФОРМАЦИЯ КАК ПРИЕМ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В «БЕДНОЙ ЛИЗЕ» Н. М. КАРАМЗИНА

О. Н. Краснова

Алтайский государственный университет

Поступила в редакцию 28 марта 2022 г.

Аннотация: на уровне текстовой динамики рассматриваются деформации с целью обнаружения подтекстовой информации, ведущей к глубинным художественно-психологическим качествам образа повествователя. Выделяются блоки подтекстовой информации, раскрывающей художественно-психологические свойства героя. На материале подтекста, обозначенного с помощью деформаций, прослеживается процесс художественно-психологического превращения неосознанных намерений героя в осознанные. Анализируются проявляемые деформациями подтекстовые установки героев в их соотношении с установками повествователя.

Ключевые слова: деформация, подтекстовая информация, повествователь, глубинные художественно-психологические свойства, установки, текст.

Abstract: at the level of textual dynamics, deformations are considered in order to detect subtext information leading to the deep artistic and psychological qualities of the narrator's image. There are blocks of subtext information that reveal the artistic and psychological properties of the hero. Based on the material of the subtext indicated by deformations, the process of artistic and psychological transformation of the unconscious intentions of the hero into conscious ones is traced. The authors analyze the subtext attitudes of the characters manifested by deformations in their relation to the narrator's attitudes.

Keywords: deformation, subtext information, narrator, deep artistic and psychological properties, attitudes, text.

В настоящее время литературоведением, лингвистикой, коммуникативистикой, психологией и рядом других гуманитарных наук активно изучается подтекст и его возможности, связанные с углублением содержания текста, внесением дополнительной информации, воздействием на читателя, отражением авторского сознания.

Маркером, обозначающим наличие подтекста в художественном тексте, является текстовая деформация. Вслед за К. А. Долининым мы будем понимать деформацию как «сближение в тексте несовместимых языковых единиц, любое нарушение нормы» [1, 57].

В рамках статьи, написанной на стыке литературоведения, теории текста и психологии, нами будут проанализированы в порядке развертывания текста различные случаи деформации с точки зрения возможностей обнаружения подтекстовой информации, связанной с глубинными художественно-психологическими свойствами образа повествователя в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина.

Рассмотрим фрагмент, включающий сцену объяснения в любви Эраста и Лизы, а также их последующий диалог и эпизод расставания. Подтекст назван-

ного фрагмента, организованный вокруг деформаций, дает возможность проследить динамику художественно-психологической осознанности намерений Эраста относительно Лизы.

Начало этого процесса обозначается высказыванием повествователя, содержащим деформацию. «Эраст узнал, что он любим, любим страстно *новым*, чистым, открытым сердцем» [2, 506]. Лексически избыточное слово «новым» является художественно-психологически обоснованным, проявляя антистетическое подтекстовое значение: «новизна» для Эраста связана лишь со сменой предмета увлечения и по сути представляет для героя весьма «старый» элемент привычного образа жизни¹.

Итак, видим, что деформация, «заданная» повествователем, привлекает внимание читателя к художественно-психологической неустойчивости чувств Эраста.

¹ Д. В. Хворостин [3] рассматривает в качестве принципа выявления скрытых компонентов смысла высказывания построение антонимичных данному высказываний, исходя из того, что фрагменты действительности, представленные в содержательной стороне высказывания имплицитно, противопоставлены вербализованной ситуации.

В начале последующего диалога наблюдается столкновение художественно-психологических представлений героев, связанных с любовью: открытость и брак у Лизы; скрытность и «удовольствия» у Эраста. «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» — Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать» [2, 516].

Резкое противоречие воззрений героев сразу после объяснения в любви приводит к дальнейшей невольной вербализации Эрастом собственных интенций, приписанных им матери Лизы: «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое» [2, 506]. В таком подготовленном контексте появляется завершающая диалог фраза Эраста «*Однако ж* прошу тебя не говорить ей об этом ни слова», содержащая деформацию «однако ж» в значении «тем не менее, все же, все-таки» [4, 594]. Указанная деформация устанавливает подтекстовую связь реплик «Она вообразит себе что-нибудь худое». — «Нельзя стать». — «Однако ж² прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». То есть, несмотря на то, что нельзя допустить, чтобы мать вообразила себе что-нибудь худое, не нужно ей ничего говорить.

Посредством контекстуальной деформации проявляются художественно-психологические поведенческие стереотипы героя, связанные с привычным для него образом жизни и отсутствием обязательств. В случае же, если бы декларированная забота о матери и любовь к Лизе были истинными для Эраста, завершающая реплика могла звучать примерно так: «*Поэтому* прошу тебя пока не говорить ей об этом ни слова», причем с объяснением причины задержки.

Кроме того, деформация обнаруживает резкое противоречие между требованиями общих нравственных норм по отношению к другому человеку, с которыми совпадают и нормы семьи Лизы («нельзя допустить, чтобы мать вообразила себе что-нибудь худое»), и собственными желаниями Эраста («не нужно ей ничего говорить»), причем последние являются для героя доминирующими.

Итак, по мере развертывания диалога высвобождается подтекст об актуальном интересе Эраста, направленном не к охране спокойствия матери, а к не потревоженному ею временному пребыванию с Лизой. Повторение просьбы Эраста о сохранении тайны перед матерью свидетельствует о растущей в процессе диалога осознанности его намерений.

Завершающим текстовый фрагмент эпизодом, изложенным повествователем, является прощание героев. «Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видеться или на берегу реки, или в березовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижины, только верно, непре-

менно видеться. Лиза пошла, но глаза ее сто раз обращались на Эраста, который все еще стоял на берегу и *смотрел вслед за нею*» [2, 506]. Слово сочетание «смотрел вслед за нею» содержит деформацию, состоящую в наличии избыточного предлога «за», что обуславливает использование творительного падежа при управлении, в то время как в норме «смотрел вслед ей» управление дательным беспредложное.

Указанные изменения формы связаны с семантическими изменениями. Контекстуально ожидаемым значением было бы «устремлять, направлять взгляд куда-либо, иметь глаза направленными на кого-, что-либо; глядеть» [4, 158]. Употребление конструкции с деформацией актуализирует значение «иметь надзор, попечение, заботиться о ком-, чем-либо» (там же), при этом словосочетание маркируется как окказиональное, так как контекст предложения построен для первого значения.

То есть, деформация создает эффект особого выделения «надзорного» поведения Эраста, что позволяет проявить подтекстовую информацию о сознательных установках героя. За счет того, что эпизод представлен в видении повествователя, подтекстовая информация воспринимается художественно-психологически «верифицированно». Описанный эффект усиливается включением всего текстового фрагмента в рамку взгляда повествователя.

Итак, деформация, данная в речи повествователя, высвобождает подтекстовую информацию, подготавливающую читателя к восприятию, во-первых, процесса художественно-психологического превращения намерений Эраста относительно Лизы из неосознанных в осознанные. Во-вторых, на протяжении рассматриваемого текстового фрагмента посредством деформации выделяются блоки подтекстовой информации, раскрывающей следующие художественно-психологические свойства Эраста: неустойчивость его чувств; устойчивость представлений о жизни как удовольствии при отсутствии ответственности.

В текстовой ситуации проводов на войну Эраста в ответ на «слезные» слова Лизы тот говорит: «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся» [2, 516]. Присоединение придаточного определительного союзным словом с предлогом «в которую» является сигналом наличия деформации, так как нормой было бы употребление «когда» [увидимся].

Деформация обнаруживает подтекстовую установку героя на обман, так как в данной ситуации приведенная реплика выполняет функцию контекстуального обещания, поддерживающего представление героини о якобы предполагаемой Эрастом встрече³. Ответ героини: «Ах, если бы она [приятная

² В данном случае проявляется свойство смысловой компрессии подтекста ХТ, о чем говорит Н. В. Пушкирева [5, 27].

³ Уточнение повествователя «прошло около двух месяцев» подтверждает такое представление Лизы о встрече, которая приобретает для героини событийно-хронологическую конкретизацию ожидания.

минута встречи] пришла скорее! Буду, буду думать об ней!» — является откликом на указанное художественно-психологическое подтекстовое содержание.

В ситуации прощания с матерью Лизы перед уходом Эраста на войну деформация, касающаяся установок семьи Лизы, содержится в словах матери, обращенных к Эрасту: «Как бы я благодарила бога, если б ты приехал к нашей свадьбе!» [2, 516]. Норма выглядит так: «к свадьбе Лизы». Указанная деформация обнаруживает крайне высокую соединенность, нерасторжимость для матери ее жизни и жизни дочери, достигающую степени эмоциональной «подмены» матерью дочери. Данное обстоятельство может служить дополнительным объяснением того, почему после смерти дочери мать сразу же умирает.

Ситуация последней встречи и объяснения героев сопровождается также наличием деформации. «Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора». Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте — готов проклинать его — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему» [2, 516].

Деформация «забываю человека в Эрасте» (при нормативном варианте «не вижу человека в Эрасте») материализует подтекст о неравноценности предыдущих указанных в тексте повести проявлений «доброго сердца» героя и его теперешнего поступка, после которого повествователь по велению собственного сердца (слеза как «кровь сердца» «катится по лицу» его) предаёт эмоциональному забвению (неверию) представления Эраста о себе как о «человеке», то есть порядочном человеке. И поскольку оценка повествователя связана с его духовными ощущениями, он «смотрит на небо», его язык «не движется», предоставляя вершить окончательный суд богу.

Подводя итог, скажем, что подтекстовая информация, маркированная текстовыми деформациями, данными в речи повествователя, отражает особен-

ности художественно-психологического восприятия и осмысления им внутритекстовой действительности.

Отмеченная с помощью деформаций подтекстовая информация о художественно-психологических свойствах героев и обоснование их поступков характеризует мировоззренческие и ценностные представления повествователя.

Деформация создает условия для привлечения внимания читателя к блокам подтекстовой информации, связанной с глубинными художественно-психологическими свойствами героя (его чувства, представления, установки, поведенческие стереотипы) и маркированностью формы способствует их фиксации в сознании читателя, что формирует его восприятие по опорам на указанные свойства.

Подтекстовая информация, содержащаяся в текстовом фрагменте, данном с точки зрения повествователя или включенном в рамку его взгляда, воспринимается как художественно-психологически «объективная».

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинин К. А. Интерпретация текста. Французский язык / К. А. Долинин. — М.: Просвещение, 1985. — 288 с.
2. Карамзин Н. М. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. / Н. М. Карамзин. — Л.: Художественная литература, 1984. — 672 с.
3. Хворостин Д. В. Скрытые компоненты смысла высказывания: Принцип выявления. Дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Хворостин. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2006. — 145 с. — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/skrytye-komponenty-smysla-vyskazyvaniya-princip-vyyavleniya> (дата обращения: 25 марта 2022).
4. Словарь русского языка. АН СССР В 4-х т. / Словарь русского языка. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988.
5. Пушкарева Н. В. Языковое выражение подтекстовых смыслов в прозаическом тексте (на материале русской прозы XIX–XXI вв.). Автореф. дис. ... доктора филол. наук / Н. В. Пушкарева. — СПб, 2013. — 30 с.

Алтайский государственный университет

Краснова О. Н., аспирант кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка

E-mail: olg.isupowa@yandex.ru

Altai State University

Krasnova O. N., postgraduate student of the Department of General and Applied Philology, Literature and Russian Language

E-mail: olg.isupowa@yandex.ru